

Главное: Агсана 6

Половина всего гностического наследия RC – гравюры. Книги гравюр, эмблемата, импрессы содержат в себе львиную долю информации Ордена; превращённые рукой гения в изошедевр, они становились «Меланхолией» Дюрера.

Вот ещё одна картинка того времени и того же типа. Это титульный лист сочинения Фрэнсиса Бэкона «О достоинстве и приумножении наук», вышедшего на латыни в 1645 году на континенте. Издание было осуществлено его душеприказчиками из RC в орденском ключе и с орденской атрибутикой. На этом титуле Бэкон сидит в профиль, правая рука на огромном раскрытом фолианте, а левой он подталкивает наверх к храму Аполлона некое существо, одетое в козлиную шкуру и повёрнутое к нам лицом. В вытянутых руках у него толстый томик, на обложке пластинка с двумя прикреплёнными к ней пряжками, которыми томик застёгнут. Лицо этого существа, судя по одежде, причастного к сценическому искусству, похоже на лицо с миниатюры И. Оливера, и особенно

на лицо рыцаря ордена Подвязки в свите королевы Елизаветы.

Пояснение. В известной картине Маркуса Герарта «Процессия Королевы Елизаветы» (процессию, по обычаю, возглавляют рыцари ордена Подвязки), среди рыцарей ордена опознается граф Рэтленд; на ноге у него, вне всякого сомнения, видна подвязка, Рэтленд был кавалером ордена до 1601 года; участие в заговоре Эссекса вроде должно было бы лишить его этой чести. Перед тем королева заказала Ш.-С. две комедии: «Мера за меру» и «Виндзорские проказницы». Уже отбывая наказание Рэтленд закончил и отдал заказ; «Проказницы» вышли из печати в 1602 г. Королева осталась довольна; возможно тогда же было возвращено опальному поэту и членство в ордене. Уже Яков, который добавил Рэтленду и членство в ордене

Бани, послал его в Данию поздравить королевскую чету с рождением наследника (своего племянника), уполномочив его одарить младенца регалиями ордена Подвязки.

Миниатюра И. Оливера

Лицом рыцарь на картине Герартса напоминает молодого человека на миниатюре И. Оливера. Портрет недавно был идентифицирован: томный человек с большим рыцарским мечом¹ – вылитый Жак Меланхолик. Оливер и Рэтленд наверняка были знакомы.

Оливер жил в Падуе как раз в то время, когда там был и Рэтленд. Портрет орденский; молодой человек запечатлён во время гностического путешествия, известного нам по более поздним масонским образцам – до «Путешествия Онегина» включительно. До психостенического портрета в профиль ещё очень далеко, но это он, несомненно.

Но возвращаемся к титулу Бэконовской книги. “Существо в козлиной шкуре” – это автор трагедий Шекспировского корпуса. *Трагедия — козлиная песнь*,² с огромной греко-иудейской подоплёчкой; писатель трагедий может быть изображён фигурой с титула книги. Ясное дело: учитель и глава предприятия подталкивает к храму Аполлона ученика, который был реальным исполнителем их совместной разработки. То, что этот персонаж – Рэтленд устанавливается по характерным застёжкам на книге. В бухгалтерских grossбуках Бельвуара зафиксировано распоряжение графа о покупке именно таких серебряных застёжек для рукописного сборника сочинений (сама книга не сохранилась или пока не найдена).

В «Троиле и Крессиде» – пародийной вставке пьесы-аллегии «Хистриомастикс»³ оставлена яркая Шекспировская метка:

¹ На самом деле меч нормальный, а вот Рэтленд был очень маленького роста; в панегириках его (Кориэта) называют даже карликом.

² Подробнее: Кандауров О. З. Евангелие от Михаила. Т. 1-2, М, 2002.

³ Хистриомастикс – “актёр высечен” (греч.).

ЧУДО АНГЛИЙСКИХ РОЗЕНКРЕЙЦЕРОВ

Thy knight...

That When he shakes his furious Speare...

Вот рыцарь...

*(Что) Когда он **потрясает** своим ужасным **Копьём...***

Заглавное *W* и слово *shakes* и *Speare* дают искомое название концессии; упомянута и *голубая подвязка* у него на ноге.

Поскольку в основу пьесы положен сюжет Чосеровской поэмы с одноимённым (с лёгкими вариациями) названием, вставить именно сюда, под сень поэта-эзотерика предыдущих поколений, название транснациональной и метавременной *Концессии* было особенно важно. Джефффри Чосер и Филип Сидни были максимально инкорпорированы в Проект как *отцы-учредители*, старшие Братья, *Смотрящие рыцари*.

И вот здесь, в этом ускользающем из мира качестве и кроется объяснение такой привязанности РС к концепту. «Потрясающая копьём» звалась Афина Паллада: второе слово в названии «Копьё» и обозначает. Отсюда – верных служителей Афины-Паллады, вооружённых как она и стоящих на страже справедливости, называли *паладинами*. Это избранные, элита рыцарства; их-то и объединял Орден РС.

Анонимное передразнивание в вышедшем в 1610 году пасквиле «Актёр высечен» не мешает Шекспировскому оригиналу, в котором перемешана рыцарская патетика с очередным рассказом истории любви четы Рэтлендов, оставаться шедевром английской драматургии и Орденским манифестом одновременно. Каков же эзотерический смысл этого “якобы античного” *копья*?

Уже было сказано, что копьё, *spear(e)*, и меч, *sword*, в мистерии малых арканов принадлежат к символике масти «Мечи» («пики»). Это вторая по значению масть после «Жезлов» («крести»). Волшебная палочка Просперо представляет эту магическую масть. Христос был Великим Магом и владел способностью творить чудеса. И всё-таки Он принёс в мир не волшебную палочку – *Жезл жезлов*, а *меч* разделения и огонь попления. Почему же «не мир, но меч» заслужил мир сей от Самого Планетарного Логоса? Потому что «дикий камень» *человека толпы* (охламона) не прошёл первичной обработки «обрубкой» – поэтому самой актуальной названа масть «Мечей» («пик»), а тонкие шлифовальные абразивы оставлены лишь для избранных. Вот почему в финале «Бури» Просперо не только топит свои магические книги, но и ломает волшебную палочку. В одной руке пальмовая ветвь, в другой меч, – таков портрет рыцаря-паладина. Все кончается убийственной мизантропией Тимона Афинско-

го, столкнувшегося на собственном опыте с грязной, алчной жестокой, вероломной человеческой природой. Древняя Греция лишь замаскировала обобщающую сентенциозность трагедии и вердикт Ордена по поводу человека массового. Животное начало в нём реагирует только на страх. Возникло кощунственное словосочетание «страх Божий». Мир, созданный любовью Творца, управляется только страхом перед репрессиями, наказанием за недостойное поведение. Зачем же тогда свобода воли и выбора? На самом деле своеволие лишает человека даров Небес, он получает – если не спасует – только то, на что рассчитывает. Бог же всегда бывает щедр. Вот почему так пронзителен Булгаковский афоризм: «Иногда исполнить чье-либо желание – лучший способ погубить человека». Увы, в густоте человеческого сообщества приходится не просто красиво позировать с копьём, но и им *потрясать*. Если же довести мысль до конца, то надо представить себе и его применение Афиной как оружия разящего, *поражающего*. В этом случае оно становится «Молнией с неба», 16-ым Арканом Тарота.

Связь между Мечом и Огнём в гностицистском символяриуме осуществляется через образ Вулкана, бога огня, куящего в подземной кузне меч Марса и копьё Афины (Минервы). В сборнике эмблем и импресс Генри Пичема, о котором уже шла речь, «*Minerva Britanica*» 1612 г. на стр. 69 (69-астрософийный

Гравюра из сборника эмблем Г. Пичема

Знак *Рак* и символический идентификат *Ба гуа* – ситемы Инь/Ян) помещена гравюра, которая называется «*Tutissima comes*», «Всехспешница» (*лат.*). На ней изображена Афина Паллада, ведущая за руку странника в исподней рубахе с короткими рукавами. В правой руке у Афины копьё, на голове шлем, за плечом Эгида. В приложенных стихах странник назван Улиссом. В «Коризте», между тем, есть стихи Хьюго Холланда: «Параллели между Доном Улиссом из Итаки и Доном Коризетом из Одкомба» и в них такие строки:

ЧУДО АНГЛИЙСКИХ РОЗЕНКРЕЙЦЕРОВ

*Минерва помогла Улиссу в гору;
Терпенье – Кориэту: шествуй скоро!*

В нескольких панегириках обыгрывается псевдоним «Потрясающий копьём». Ричард Бодли, видимо, знавший книгу в рукописи, писал:

*И если есть в Природе уголок,
Который позабыл Всевышний Бог,
Туда Колумб наш со своим копьём
Твои знамена понесёт, Одкомб.*

У Колумба (он же Улисс) на перевязи меч, в левой руке посох путника; за правую его ведёт Афина, опирающаяся на фигурное рыцарское копьё. Сзади двугорбый верблюд Парнаса; надо понимать так: ради путешествий “Колумб” забросил поэзию. То, что в путнике подразумевается Рэтленд, сомневаться не приходится. В Дендерском Зодиаке такой парой изображено созвездие Близнецов: подразумевается Исида¹ и её сын *Гор*. Не забудем, что перед нами *Путь в гору*, *Экзальтация*, *Анод*, алхимически соответствующая процедуре *Рубедо*; вдоль неё в квадрате малых арканов располагается красная масть «Чаши» («Черви»). Между пешеходом и путеводительницей изображены абсолютное взаимопонимание и любовь. Видно, что путник – открытая душа и доверчивый младенец, во всём повинующийся воспитательнице и наставнице.

Импресса, посвящённая Бэкону (анонимно), носит совсем иной характер. Раздетая донага Афина с копьём сидит за сетью, в которую её уловили Алчность и Лукавство. («Sapientiam, Avaritia, et Dolus, decipiunt»). Бэкон, добрый и великодушный, почти всю жизнь нуждался, и когда появилась возможность поправить свои материальные дела, сделал это употребляя на потребу и свой великий ум и знания; полюбил роскошь, выгодно женился на большом приданом и т.д. Братская критика не замедлила: прикровенно, но внятно для посвящённых. Главное: копьё не позволяет Минерве бороться с сетью Алчности и Двуличия, – потрясай – не потрясай. Нувориш Бэкон попал в сети стяжательства, и братья заметили это за десять лет до падения. Вот что такое Орден. Под картинкой стихи:

*Ах, бедная Минерва, кто тебя
Поймал сетями и в печаль повергнул?
Знать, ни мудрейший, ни святой не могут*

¹ Исида; Ис-ис; ступень, ступень (егип.).

Пред кознями Фортуны устоять.
Ни знания, ни ум спасти не в силах
От горестной своей судьбины смертных.
Лукавство и любовь к деньгам тебя
Поймали в сети, мудрая Минерва.
А дело в том, что мир теперь таков,
Что тот, кто всех мудрее и богаче,
И, значит, должен простаков учить,
Сам, как Минерва, попадает в сети.¹

Поскольку все другие импрессы (кроме этих двух) адресны, и все маломальские знаменитости их удостоены (кроме Рэтленда), то принадлежность этих восстанавливается по *копью* Паллады. Только эти двое были причастны к шумному псевдониму. «Минерва Британика» показывает, что во всех начинаниях *РС* этика стояла во главе угла, и беспомощные гравюры Пичема были в этом отношении столь же действенны, как и гениальная «Меланхолия» Дюрера. *Перепев с улучшением* – обычное явление в орденской среде; в музыке это было особенно распространено. Не гнушался подобных заимствований даже Бах: авторские амбиции признавались только за Истиной, а все великие служили одной Ей.

Столько усилий уходило у *братьев* на соблюдение общей правильности! Бэкон оправдывал себя тем, что пытался использовать преимущества власти для утверждения Орденских идей, построения идеального Государства: *просвещённой* Монархии. Он помнил строку из Притчей: «The Glory of God is to conceal a thing, but the Glory of a King to find it out»², и полагал, что без мастеров эзотерики (*РС*) царям было не обойтись. Доживи принц Генри до трона, он был бы *таким*, – как Рудольф II. Но дисбаланс штучников и толпы оказался взрывным. Как идеалист и “романтик” (так сказать, «идеал-новеллист») Бэкон выкрашивал декорации будущего одним белым цветом, алхимическим Альбедо (*Альбедолага* эдакой, сказал бы Достоевский), а реальность всегда двуцветна.

С одной стороны: «Молодая королева, прекрасная собой, образованная, знающая античную литературу, говорящая на шести языках – с европейскими послами говорила с каждым на его языке».³

¹ 3; 532.

² Слава Божья – прятать, слава Царя – находить.

³ 3; 81.

ЧУДО АНГЛИЙСКИХ РОЗЕНКРЕЙЦЕРОВ

С другой (одновременно): «Это был век политической лжи. Но по беспардонности и обилию лжи равных Елизавете во всём христианском мире не было».¹

Эта дуальность выражена рыцарским мечом: в ножнах, рукоятью вверх он представляет из себя *Жезл*; вынутый из ножен, клинком к врагу – он грозное оружие. Душевную *раздвоенность*, *бифуркационность* передаёт своей символикой Аркан Дурак (21-й) он же – *Шут*, *Сумасшедший*. Рэтленд с мечом на миниатюре Оливера, и Рэтленд, сам себя называвший шутом (motley), вот две стороны *пантакля* (быт. “одной медали”). Граф, музыкант, поэт, аристократ, придворный дошёл в языковых хохмах своих персонажей из пьес, а также как *мимик* в застольях до такой разнуданности, что жене, поэтессе и аристократке, пришлось его обуздывать и урезонивать. Она, написавшая под псевдонимом Эмилия Лэйниер поэтический сборник «Salve Deus Rex Iudaeorum», лечила музу своего мужа от склонности к непристойным выражениям. В Честеровской «Жертве любви, или Жалобе Розалины» Пеликан, присутствующий при кончине супругов, так характеризует участие каждого в создании совершенного творения:

*«Один ума богатство подарил,
Другой ум направляет деликатно;
Один добросердечен больше всех,
Другой же – образец по постоянству.
Природою чета слита в одно:
Один ребёнку дал бессмертный облик,
Другой вложил любовь и чистоту».*²

Вот это взаимодействие в трёх последних лирических драмах. В «Буре» остров Просперо описан так: «Какая здесь пышная и сочная трава», – говорит Гонзало. А дикарь Калибан поясняет:

*... Остров полон звуков –
И шелеста, и шёпота, и пенья;
Они приятны, нет от них вреда.
Бывает, словно сотни инструментов
Звонят в моих ушах; а то бывает,
Что голоса я слышу, пробуждаясь,
И засыпаю вновь под это пенье.*

¹ Green J. R. A Short History of the English People; 372 (по 3; 614).

² 3, 588; (ред. моя. – ОК).

Таков же мистический гимн Просперо, из 5-го действия: «Вы, духи гор, ручьёв, озёр, лесов!» В «Венецианском купце» есть нечто подобное:

*Как нежен лунный свет, омывший вал!..
Присядем здесь, пусть музыка наполнит
Наш чуткий слух: ночь, нега, тишина
Нам сообщат нездешний дух гармоний.
Сядь, Джессика, гляди – небесный свод
Посыпан густо золотою пылью;
Орбиты – до малейших – все в ладу,
Как ангелы поют, верша движенье,
В согласье ясноглазым херувимам –
Гармония внутри бессмертных душ.*

(И резюме)

*Но тот, в ком нету музыки внутри,
В ком не звенит согласье сладких звуков,
Тот полон лжи, коварства и хулы.¹*

Когда при собирании произведений “Шекспира” для издания Первого Фолио встал вопрос, включить ли туда Бэконовские опусы, выходявшие под общим псевдонимом, Фрэнсис с большой душевной болью убрал из тома всё своё, тем более что и Рэтлендовского набиралась увесистая книга. Братья не преминули откликнуться на этот высокий орденский акт. Томас Фриман писал в одной из эпиграмм своей авторской книги:

*Поверь, Лабео, мне, ведь это подвиг –
Победу над собою одержать;
Ты подавил в душе дурные чувства –
Триумф, достойный памятью хранить.*

(И в конце сна)

*И в заключенье повторю начало:
Лабео, да, то подвиг настоящий –
Триумф, достойный в памяти остаться –
Победу над собою одержать.²*

¹ Перевод мой – ОК.

² По 3; 551-552. Лабео – латинский псевдоним Бэкона.

В стихотворении упоминается и девиз семьи Бэкона: «*Mediocria Firma*» («Середина устойчива»). Это плюс внутреннее благородство и гордость за ученика позволили ему великодушно отказаться от авторства в пользу Рэтленда. В скорости во Франции произойдёт точно такая история: орденский мастер, высокая душа гениальный Сирано де Бержерак, снабжавший устно разработанными сюжетами комедий актёра и писателя Мольера, подарил театральному деятелю творческую биографию, оставив за собой только пророческие «Государства и империи Солнца» и «Государства и империи Луны», небрежно разбросанные стихи и добрую славу человека-легенды, давшей материал для известной драмы Эдмона Ростана. Ситуация очень схожая с Шекспировской.

Отрешённый от всех должностей Бэкон исповедовался:

Молитва Фрэнсиса Бэкона

«Всемиловитейший Господь Бог, мой всепрощающий Отец от дней юности, мой Создатель, мой Искупитель, моё Утешение. Ты, О Господи, проникаешь, исследуешь глубины и тайны сердец, Ты знаешь чистоту сердца, судишь лицемеров, читаешь мысли человека и взвешиваешь его поступки, как на весах, измеряешь намерения, как линейкой, тщеславие и кривые пути не скроются от Тебя.

Вспомни, О Господи, как раб Твой ходил перед Тобой, вспомни, что искал в самом начале и что было главным в его намерениях. Я любил Твои собрания, скорбел о разделении церковей, восхищался светом Твоих святынь. Эта лоза, что Твоей рукой посажена в этом народе, – я всегда молился, чтобы первый и последний дожди омыли её и чтобы протянула она свои побеги к морям и океанам. Положение и хлеб насущный бедных и униженных всегда были важны в моих глазах: я ненавидел жестокость и чёрствость сердца; выращивал благо для человечества, хотя и презираемым способом. Если у меня были враги, я не думал о них; и солнце никогда не зрело моего недовольства: я всегда был незлобив, как голубь. Твои создания бы-

ли для меня открытой книгой, но ещё важнее Твои Писания. Я искал Тебя при дворах, в полях, садах, но находил в храмах.

Тысяча – число грехов моих, десять тысяч – число прегрешений, Твоё священное присутствие со мной и сердце моё Твоей милостью – неугасимый уголёк на Твоём алтаре. О Господи, моя Крепость, со дней юности я встречаю Тебя на всех путях, ощущая Твоё отцовское участие и мягкую наказующую длань, Твоё божественное присутствие. Растут щедроты твои и растут назидания, стало быть, Ты всегда рядом, О Господи, когда моё мирское благоденствие было велико, тайные стрелы, Тобою пущенные, всё равно пронзили меня; и, поднимаясь над людьми, я уничижённо склонялся перед Тобой.

И теперь, когда я больше всего думаю о покое и чести, длань Твоя тяжела на мне, как прежде любяще заботилась, но я по-прежнему в Твоей отцовской школе, не как пасынок, а как родное дитя. Справедлив Твой суд надо мной за мои грехи, коих больше, чем песчинок на морском берегу, и всё-таки несоизмеримы они с Твоей бесконечной милостью. Но что такое песчинки по сравнению с морем, землёй, небесами? Но и все они вместе – ничто по сравнению с Твоей милостью.

Кроме бесчисленных грехов, признаюсь Тебе, что я Твой должник: я растратил талант – щедро отпущенные мне дары и достоинства – на вещи, к которым менее всего расположен; честно скажу, душа моя была чужим пришельцем в моём странствии. Помилуй меня, О Господи, во имя Спасителя, прими на лоно Своё или руководи мной на путях Твоих».¹

Христианским «потрясателем копьём» был с V в н.э. *Георгий Победоносец, побеждающий змия* (дракона). Победа над ревностью и завистью (вспомним змею из «Как вам это понравится») – из самых славных. Розенкрейцер Бэкон смог её в себе победить, масон Сальери – нет. Дистанция огромного размера. Джордано Бруно, Сирано де Бержерак – Святые эзотерики, Светочи орденской культуры. Бэкон стоит рядом. Это люди Третьего Завета.

¹ 3; 140-141.